

в форму распечатки на принтере компьютера и видеогаммы электронного документа (то есть изображения чего-либо на экране монитора компьютера).

Электронный документ представляет собой форму (вид) именно документа. Через документ электронный документ является формой (одной из форм) внешнего выражения акта, в том числе правового акта. Поэтому сказанное ранее о соотношении акта и документа справедливо и для соотношения акта и электронного документа.

1. Как это делается, например, Ю.А. Тихомировым и И.В. Котелевской (Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты: Учебно-практическое и справочное пособие. – М., 1999. – С. 17).
2. Словарь современного русского литературного языка. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Т. 1. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 122–123.
3. Алексеев С.С. Общая теория права: Курс: В 2 т. – М.: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – С. 201.
4. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 1. – Ст. 1.

5. См., например: Карев Я.А. Электронные документы и сообщения в коммерческом обороте: правовое регулирование. – М.: Статут, 2006. – 320 с.; Электронный документ и документооборот: правовые аспекты. Сб. науч. тр. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2003. – 208 с.; Фабричный А. «Традиционные» и «электронные» документы // Хоз-во и право. – 2008. – № 10. – С. 102–109; Косовец А.А. Правовой режим электронного документа // Вестник Московского ун-та. – 1997. – № 5. – С. 48–59; Лапшинов Э.В. Классификация и виды электронных юридических документов // Ленинградский юрид. журнал. – 2008. – № 3 (13). – С. 211–218; Соловяненко Н. Заключение договоров с использованием электронных документов в системах электронной торговли // Хоз-во и право. – 2005. – № 3. – С. 50–58; Халиков Р.О. Правовой режим электронного документа: вопросы использования электронной цифровой подписи: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань. – 2006. – 28 с.
6. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. – М.: ООО «Городец-издат», 2000. – С. 40.
7. Федосеева Н.Н. Понятие и сущность электронного документа // Юрист. – 2008. – № 5. – С. 61.
8. Постановление правления Пенсионного фонда Российской Федерации от 26 января 2001 г. № 15 «О введении в системе Пенсионного фонда Российской Федерации криптографической защиты информации и электронной цифровой подписи».
9. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 127.

В.М. Русаков

ПРОБЛЕМА ВИРТУАЛИЗАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Института международных связей, вице-президент МАДИ, г. Екатеринбург

Из истории философии известно, что вопрос о том, что есть реальность (что есть на самом деле?), а что – весьма похожая (практически неотличимая от нее иллюзия) волновал еще древних греков. Они вводили различие знания «по мнению» и знания «по сути». Платон для объяснения разницы вводил образ пещеры, на стенах которой ее узники рассматривают неверные тени настоящего.

Надо сказать, что уже тогда стало ясно, что «реальность» и «действительность» – не одно и то же и потому критерии установления того, что реально и действительно – неодинаковы. Мало чувственной достоверности для удостоверения того, что мы имеем дело с действительностью. Отсюда известное древним грекам различие трех родов сущего.

Новое время поставило проблему теоретико-методологических и практических процедур, с помощью которых можно было бы решить проблему постижения действительности такой, «как она есть на самом деле». Известно, какие варианты решения этой проблемы были предложены в дилеммах эмпиризма и рационализма, рационализма и иррационализма.

Широкое развитие различных знаково-символических средств, реализованных в сложно-организованных технических системах в XX в., которые мощно вторглись в мир чувственного (аудиовизуальные технические системы и средства) и рационального освоения мира человеком – еще

раз радикально переформулировали, в сущности, старую проблему «гносеологической пещеры» Платона, заострив ее до предела: не есть ли и сама пещера, и все ее тени – продукт собственной манипулятивной деятельности человека, в недрах которой обесмысливается вопрос о различии действительного и иллюзорного.

Большой вклад в разработку средств диагностирования, распознавания и анализа духовно-практических (мыслительных) форм виртуализации действительности – т.е. создания «заколдованного и на голову поставленного мира», – внес в XIX в. классический марксизм и, прежде всего, К. Маркс своей работой «Теории прибавочной стоимости», составившей четвертый том его бессмертного «Капитала».

Именно человек ставит и пытается решить проблему различения иллюзий и действительности, но острота проблемы состоит в том, что сам познающий субъект является участником познаваемых процессов и потому характер и способ его включенности в изучаемые связи и отношения предопределяет итог постижения: либо субъект понимает, что есть «на самом деле», а что всего лишь суть иллюзии. Там, где сущностная связь реализуется «окольно», в конечном счете (а, значит, как правило), за пределами круга непосредственного взаимодействия каждого отдельного индивида, там возникают совершенно ложные, иллюзорные и фантастические представления людей об этих явлениях (но которыми они, тем не менее, пользуются для ориентирования в этих процессах).

Частным случаем такого противоречивого взаимоотношения непосредственного и опосредованного является «овеществление» («реификация»): «В формуле «капитал-прибыль» или, еще лучше, «капитал-процент, земля-земельная рента, труд – заработная плата», в этом экономическом триединстве, изображающем связь составных частей стоимости и богатства с его источниками, оказывается завершенной мистификацией капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений, непосредственное сращивание вещественных отношений производства с их исторически-общественной определенностью получился заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир...» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т.25.ч.2.с.398.).

То есть, например, то, что есть общественное отношение – собственность – отождествляется с вещью, являющейся предметом этого отношения (возникает закономерный вопрос: в какой части вещи сосредоточена «собственность», каковы ее физические, химические и другие вещественные свойства?). Овеществление лежит в основе всевозможных мистификаций. Капитал представляется вещью, обладающей мистическим свойством самовозрастания стоимости: «Поэтому в капитале, приносящем проценты, этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, выступает перед нами в чистом, окончательно сложившемся виде, и в этой форме он уже не имеет на себе никаких следов своего происхождения» (Там же. Ч.1. С.431). А в результате фетишистская форма капитала получает свое завершение: «В формуле Д-Д* мы имеем иррациональную форму капитала, высшую степень искажения и овеществления производственных отношений..., перед нами мистификация капитала в самой яркой форме» (Там же. С.432).

Но марксизм впервые обратил внимание на то, что мистификация имеет под собой объективное основание: мы обычно понимаем под ней умышленное введение в заблуждение, сокрытие того, как «оно есть на самом деле». Напротив, К. Маркс подчеркивает, что познающие субъекты внутри этих процессов бесхитростно и доверчиво («некритически») воспринимают то, что «есть»: «Движение, характерное для капитала вообще, – возвращение капитала к его исходной точке, – для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто внешний вид, обособленный от того действительного движения, формой которого он служит» (Там же. С.383).

Именно с этими действительно состоявшимися, свершившимися превращениями, замещениями и вытеснениями имеют дело участники этих процессов: «агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется ... в извращенной форме» (Там же. С.389). Они ничего не делают, кроме как отображают «реальное положение дел». Например, так называемая «вульгарная политэкономия», собственно, ничего особенного и не делает «как только доктринерски истолковывает. Систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захвачен-

ных отношениями этого производства ((Там же. С.383) как, добавим мы сегодня, это делает зарубежная и российская буржуазно-либеральная экономическая наука, «объясняющая» причины нынешнего экономического кризиса и способы выхода из него, способы приватизации (=разграбления) национального богатства СССР и России)).

К. Маркс обращает внимание на то, что периодически возникающие попытки «рационально» объяснить (мы бы сказали – как в свое время российский премьер Е. Гайдар) поражающие своей дикостью и абсурдом капиталистические отношения столь же систематически терпят поражения: «Может показаться, что, по крайней мере, в формуле «труд-заработная плата» выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в формуле «земля-земельная рента», поскольку труд образует стоимость и представлен в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наемного труда, он не образует стоимости. ...заработная плата или цена труда есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы и определенные общественные условия, при которых продается эта рабочая сила, не имеют никакого отношения к труду, как к всеобщему фактору производства» (Там же. С.390). Российское общество на своем печальном опыте убедилось в этом весьма наглядно: накануне «приватизации» государственной собственности она вдруг, в одночасье перестала что-либо стоить и ее практически даром (гигантские заводы и отрасли продавались по цене «хижины дяди Тома» (или Сэма?)) отдавали назначенным олигархам. И, действительно, через мгновение под эти «ничего не стоящие» нефтегазовые, металлургические предприятия зарубежные банки давали миллиардные кредиты.

В системе таких общественных отношений (К. Маркс их квалифицирует как стихийные частнособственнические) действительность стремительно извращается. Мистифицируется, приобретает иллюзорные (но чувственно достоверные!) формы, т.е. виртуализируется. Субъекты, стремящиеся познавать и ориентироваться в этом заколдованном и на голову

поставленном мире, попадают в настоящее «фантоматическое» устройство, описанное С. Лемом в его «Сумме технологии»: вещи наделяются сверхъестественными свойствами межлических общественных отношений, а общественные и человеческие, межличностные отношения сводятся к вещественным свойствам. Это составляет суть фетишизма.

Важно также иметь в виду, что развитие современных технических воплощений различных знаково-символических форм представления и выражения действительности имеют в таком обществе тенденцию к такой же фетишизации: те же компьютерные системы (программы и работающие в соответствии с ними машины) наделяются фантастическими свойствами в циркулярах и распоряжениях чиновничества: российские чиновники от образования (можно подумать – насмотревшиеся голливудских боевиков и ужасиков в стиле «киберпанка») чистосердечно полагают, что в компьютерах «все есть», что с их помощью можно учить и воспитывать детей, лечить людей, управлять экономикой и образованием, бороться с коррупцией и т.п. Их изумительно трепетное отношение к наличию «интерактивных электронных досок» в школах во время «встреч с народом» может соперничать только с их новообретенной религиозностью!

В основе фетишизма классический марксизм усматривал в остановке обыденного сознания на фиксации непосредственной чувственно достоверной реальности, стихийно (или, как сегодня – манипулятивно) навязываемой индивиду системой господствующих общественных отношений. Он обращает внимание на то, что общественные отношения являются устоявшимися схематизмами деятельности людей (способами, приемами практической, ценностно-ориентированной, познавательной). Некритическое их усвоение и «встраивание» в них, без «докапывания» до ответов – почему они именно таковы, каковы они есть составляет основу неконтролируемости, стихийности, спонтанности в массовом сознании, выступающей одним из аспектов иррациональности общественного бытия и сознания. Добавим только, что анализ империализма как монополистического капитализма, проведенный В.И. Лениным, существенно дополняет картину: спонтанность, неконтролируемость в значитель-

ной мере начинает искусственно создаваться и преднамеренно навязываться рядовому индивиду с исчезновением свободной конкуренции. Например, современное российское государство, выстроившее беспрецедентную систему государственно-монополистического капитала, сущностно, инстинктивно заинтересовано в том, чтобы население страны было в максимальной степени захвачено формами иллюзорного, фетишистского и иррационально-превращенного сознания (на это нацеливается вся система социальных институтов – образование, просвещение, СМИ, воспитание, наука, религиозные организации и т.п.).

В марксизме была предпринята грандиозная попытка выработки способов и путей преодоления такой извращенной и иррационально-превращенной виртуализации общества. К. Маркс в «Капитале» писал: «строй, создаваемый комму-

низмом, является как раз таким действительным базисом, который исключает все то, что существует независимо от индивидов, поскольку существующий строй есть ведь не что иное, как продукт существовавшего до сих пор объединения между самими индивидами» (Там же. Т.3. С.71). Другими словами, необходим сознательный и планомерный контроль объединенных индивидов над способом их совместной жизнедеятельности. Позднее Ф. Энгельс пояснит эту мысль Маркса: «То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно творить свою историю сами» (Там же. Т.20. С.295).

О.Е. Кускова

СКАЗКА КАК ВИРТУАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Кускова
О.Е.

Понятие «виртуальность» в современной философии служит для обозначения особого онтологического уровня, порожденного реальностью. Возникновение этого уровня зависит от реальности, но далее, виртуальность существует автономно и равноправно с создателем. В этой связи, сказка, как один из основных жанров устного народного творчества, вполне может претендовать на понимание ее как некой виртуальной реальности. Любое литературное произведение может считаться вир-

туальностью: созданное автором в определенную эпоху и при определенных обстоятельствах, оно начинает существовать автономно, неся в себе некоторый первоначальный заряд, но трансформируясь в зависимости от интерпретации. Сказка, не являясь литературным произведением, тем не менее, создана также в определенных обстоятельствах, с определенной целью. Но, в отличие от авторского произведения, сказка несет в себе не одно мнение, не позицию одного человека, а духовность целого народа. Поэтому сказка виртуальна вдвойне: с одной стороны, как результат творчества, с другой стороны, как выражение особого «виртуального понятия» – ментальности народа.

Понятие «ментальность» введено в научный оборот историками французской школы «Анналов» для обозначения наличия у представителей того или иного общества, понимаемого как национально-этническая и социокультурная общность, некоего умственного инструментария, дающего возможность людям по-своему воспринимать и осознавать окружающих и самих себя. В русской философской традиции ментальность понималась